

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Самоцветы

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Самоцветы

«Public Domain»

1890

Мамин-Сибиряк Д. Н.

Самоцветы / Д. Н. Мамин-Сибиряк — «Public Domain», 1890

«– Поедьте в Мурзинку, – говорил мне Василий Васильич, мой хороший знакомый из мелких золотопромышленников. – Время теперь самое бойкое: пахота кое-где уж кончилась, а до страды далеко, – вот мужичонки и промышляют по части камней. Право, отлично съездим.– Что ж, поедемте, – соглашаюсь я. – Только добывание камней производится, главным образом, по зимам, а теперь едва ли что увидим...»

© Мамин-Сибиряк Д. Н., 1890

© Public Domain, 1890

Содержание

I	5
II	9
III	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Самоцветы

I

Мой приятель Василий Васильич и «наши». – Вода тронулась. – Торфяники. Окунька едет в Париж на выставку. – Читали ли вы сочинение господина Ипполита Тэна? – Нарядчик Захар Иваныч. – Старый завод.

– Поедьте в Мурзинку, – говорил мне Василий Васильич, мой хороший знакомый из мелких золотопромышленников. – Время теперь самое бойкое: пахота кое-где уж кончилась, а до страды далеко, – вот мужичонки и промышляют по части камней. Право, отлично съездим.

– Что ж, поедемте, – соглашаюсь я. – Только добывание камней производится, главным образом, по зимам, а теперь едва ли что увидим.

– Да, ведь, правильной добычи нет, а «работают камень», когда случится: и зимой, и летом... Право, поедемте. До Невьянска по железной дороге три часа езды, а там вёрст с семьдесят на лошадях. Погода отличная, лихо бы прокатились.

– Едем.

Мурзинка – большое село Верхотурского уезда; оно «с незапамятных времён» пользуется репутацией нашей уральской Голконды, как центр самых типичных уральских самоцветов. Считаю нужным оговориться, что Мурзинок на Урале не одна, как есть много Белых и Тёплых гор, речек Каменок, Карасьих озёр; но настоящая Мурзинка одна. Сложились даже свои эпитеты, как «мурзинский камень», потому что самоцветы попадают по всему Уралу, хотя не в таком количестве и не такого качества, как в Мурзинке. Большая разница между топазом ильменским (Ильменские горы – отрог южного Урала) и мурзинским, а ещё большая разница между аметистом из Мурзинки или из Богемии. Конечно, такая разница существует только для знатока или, по меньшей мере, для любителя, а не для большинства непосвящённой публики. Я беру именно Мурзинку, как типичный уголок, где добывание самоцветов уже утвердилось прочно и создало «интересного мужика», который «любопытничает по части камешков», с одной стороны, а с другой образовалась кучка торгашей, забравших всю торговлю добытыми самоцветами в свои руки.

Итак, мы отправляемся в Мурзинку. Конец апреля выдался тёплый, и погода стоит «на первый сорт». Наша уральская весна поздняя и очень капризная, поэтому радуешься каждому солнечному дню, как дорогому и редкому гостю. На вокзале в Екатеринбурге стоит страшная суета, потому что, кроме своей обычной публики, увеличивает движение «проезжающий сибиряк», который пользуется открывшеюся навигацией. Но и, кроме того, весна будит свои уральские кровные интересы, которые засыпают с первым снегом и просыпаются с первой водой, – я говорю о мелкой частной золотопромышленности. Мой спутник Василий Васильич принадлежит именно к этой категории и страшно суетится на вокзале, перебегая от одной кучки «проезжающих» к другой: у него на каждом шагу встречаются какие-то таинственные «нужные люди», клиенты и целая тьма просто знакомых и хороших людей. Маленькому человеку иначе и нельзя, особенно кто живёт «своим средством». Я каждый раз люблюсь Васильем Васильичем, как типичным представителем разбитного уральца, а, главное, тем, что он всегда весел, всегда улыбается и всегда занят по горло. И фигура у него совсем особенная: кряжистый, плотный, с загорелым круглым лицом и бойкими глазами. Ботфорты, шведская куртка и кожан придают ему вид не то купца, не то охотника, – сразу не разберёшь.

– Всё наши едут, – торопливо объясняет он мне, забегая сказать, что место в вагоне занято и вещи снесены. – Кто куда: на север едут, в Кушву, в Невьянск, в Верх-Исетскую дачу... Вода тронулась – вот и хлопочут.

В течение последних пяти минут перед отходом поезда шляпа Василия Васильича мелькает у буфета, на платформе, в багажном отделении, на подъезде, а после второго звонка вырастает передо мной, как из земли.

– Ух, устал! – весело говорит он, вытирая лицо бумажным платком. – Едва успел... две телеграммы отправил, письмо написал, три рюмки водки выпил... Отбою нет от народа, и всё наши золотопромышленники толкуются.

Когда мы поместились уже в вагон, Василий Васильич перебежал от окна к окну и продолжал свои переговоры с оставшимися на вокзале нужными людьми, а когда поезд двинулся, он с азартом выскочил на платформу вагона и высунулся в дверь, ещё что-то кричал и даже размахивал своею шляпой.

– Уморился... Уф!

– Кажется, пора и устать.

– Да, ведь, время-то какое? Лето наше сиротское, вот и торопимся, как на пожар.

В нашем вагоне третьего класса ехала самая разнородная публика, и, конечно, у Василия Васильича сейчас же нашлись новые знакомые, а с одним он даже облобызался по-христиански из щеки в щёку. «Василь Васильич, друг, да тебя ли я вижу? Ах, андел ты мой». – «А вы это куда наклались, Захар Иваныч?» – «Да так, сам не знаю, куда еду, а увидел поезд и сял: дай, думаю, с добрым людям прокачусь». – «Знаем мы вас, как вы просто-то садитесь, Захар Иваныч; тоже не левою ногой сморкаемся», и т. д. Разговор идёт беглый, с прибаутками и наговорами, как на хорошей свадьбе, потому что сибиряк уж так устроен – любит завернуть красное словечко, а, главное, необходимо пошуметь. Если хотите, такая кричащая о себе деловитость смахивает на своего рода кокетство, но лично я люблю таких подвижных, говорливых и шумливых спутников, с которыми легко коротаются самые длинные переезды.

От Екатеринбурга до Невьянского завода около ста вёрст. Уральская железная дорога здесь идёт с юга на север по холмистой местности, которую перерезывают отроги недалёкого Урала. Там и сям по сторонам дороги расстилаются заросшие горные озёра. Сейчас на них растёт золотушная берёза и сосна-карлица. Издали вид на такие озёра довольно оригинальный: глаз легко различает лесистые острова, выступающие из озера, каменистые мысы, заливы и вообще всё очертание исчезнувшей береговой линии. Такое зарастание горных озёр – результат хищнического истребления леса. В будущем эти торфяники дадут массу горючего материала. Нужно заметить, что эти сто вёрст от Екатеринбурга до Невьянска поезд идёт по заводской даче, принадлежащей владельцам на мифическом посессионном праве: сначала идёт дача Верх-Исетских заводов, а затем Невьянских. Первая занимает площадь в 1 000 000 десятин, а вторая около 180 000. Как видите, дистанция огромного размера, но в последней лес истреблён окончательно, а в первой ещё истребляется, и нарастающие торфяники в своё время явятся единственным топливом для обеих дач.

О несметных богатствах Урала писано и переписано в достаточной степени, так что уральские сокровища сделались своего рода банальным выражением; но Урал не на всём протяжении богат в одинаковой степени, и есть уголки, которые даже среди несметных уральских богатств выделяются, как исключительно одарённые всеми благами. Именно по такой площади мы и ехали сейчас и чем ближе подвигались к Невьянску, тем оживлённее делалась развёртывавшаяся панорама. Прямо по сторонам дороги почти непрерывно тянулись золотые промыслы и мелькали живописные кучки старателей, золотопромывательные машины, глубокие выработки, желтевшие отвалы промытых песков и вообще полная картина местности, охваченной золотою лихорадкой. Особенно выделились Рудянка и Шуралинский завод, – в последнем даже спущен пруд, чтобы выработать золото на его дне. Невьянск является центром этой лихорадки.

В Рудянке к нам в вагон ввалилась целая толпа кожанов и простых деревенских баб. Народ всё такой крепкий, сыромятный, – сейчас видно, что кержаки, как называют на Урале старообрядцев. Главным действующим лицом был молодой парень с ястребиным носом и ястребиными глазами. Другие только провожали его. Меня заинтересовало, что парень в числе пожитков втащил отличный кожаный саквояж, который и поставил в уголок около себя.

– Так ты, Якунь, уж тово, мотри... – наговаривала какая-то старуха, оглядывая подозрительно всю публику; у ней были такие же ястребиные глаза. Дорога не близкая, так уж ты поберегайся... Тоже всякий народ попадает...

– Да уж будьте спокойны... Не впервой! – бойко отвечал парень.

Кожаны тоже дали путешественнику несколько хороших советов, и он отвечал им так же стереотипно. Видимо, что эта сцена родственного расставания происходила довольно часто, и все проделывали одну и ту же церемонию, как по нотам. В заключение Якунь снял свой кожан и начал кланяться в ноги поочерёдно всей провожавшей его родне.

– Родимая матушка, прости и благослови... – говорил он, кланясь бабе с ястребиным лицом.

– Бог тебя простит, бог благословит... Мотри, Якунька, не обмиршишь, а то лучше и глаза тебе не показывать домой... Лестовкой запорю...

Изнемогавшая дробь станционного колокола прекратила эту сцену, и Якунька опять мог залезать в свой кожан. Когда поезд тронулся, он собрал свои пожитки в одно место, – какой-то потник, вместо постели, выбойчатое одеяло и подушку, а сам сел наверх, как ястреб, точно боялся, что сейчас же кто-нибудь из публики посягнёт на его добро. Я напрасно старался припомнить, где видел это ястребиное лицо, а, между тем, оно было совсем знакомое.

– Да это Якунька из Токовой, едет с камнями в Париж на выставку, объяснил Василий Васильич, знавший всех и всё. – На нашей выставке в Екатеринбурге в кустарном отделе у него была своя витрина, – помните?

– Ах, да...

– И дошлый только народ – удивлялся Василий Васильич. – А дорогу им Самошиха показала... Она первая и в Москву, и в Петербург проникла с мурзинскими камнями, а за ней уж бросились другие, из соседних деревень. Будем в Мурзинке, так завернём и в Южакову к Самошихе в гости.

Нужно было видеть удивление Якуньки, когда Василий Васильич подошёл к нему и прямо спросил:

– В Париж, видно, на выставку едете?

Якунька остолбенел и только ворочал глазами.

– А ты как знаешь? – спросил он, наконец.

– Сорока на хвосте принесла... – шутил Василий Васильич. – Ведь, видно птицу по полёту! Из Токовой? Ну, вот видишь... С камнями тебе сейчас некуда ехать, потому что Нижегородская ярмарка ещё далёко, столичная публика по дачам разъехалась, – ну, некуда тебе, кроме как в Париж. Пронька Самошихин, ведь, ездил в Копенгаген на выставку?

– Это точно, Пронька был.

– Ну, так гладкой дороги. Кланяйся там нашим, как увидишь своих.

До станции минут десять ходу. Публика начинает торопливо собираться и вообще приходит в движение, потому что многие выходят в Невьянске. На время завод скрывается за леском.

– Сударыня, читали вы книгу «Об уме и познании», сочинение господина Ипполита Тэна? – спрашивает за моею спиной мужской голос.

– Нет, – отвечает молодой женский голос. – «Ниву» выписываем.

– «Нива» – это пустяки-с, сударыня... журнал, можно сказать, для девиц. Да... А я, знаете, когда прочитал книгу господина Тэна, то, можно сказать, прозрел. Всё теперь для меня ясно, как вот на ладони... Вот какие книги бывают, сударыня!

– Да я, пожалуй, и не пойму.

– Поймёте-с, потому так написано. Прочитали главу, непонятно, – ну, второй раз читайте, в третий, а потом уж всё как по маслу пойдёт.

– Вы мне запишите на бумажку, а потом я достану эту книжку, – отвечает женский голос.

– Да вы купите её, сударыня, книжку-то, и сейчас её в переплёт, а название я вам запишу.

Наступает пауза. Я оглядываюсь. За мной на лавочке сидит Захар Иваныч и быстро пишет на лоскутке бумаги название книги. Он в таких же охотничьих сапогах и кожане, как и мой Василий Васильич. Давеча я не обратил на него никакого внимания, а рассматривая сейчас внимательно, не вижу ничего особенного: не то прасол, не то гуртовщик, не то золотопромышленник из мелких. Лицо русское, широкое, бородастое, с носом луковицей и небольшими, быстрыми глазами.

Записывая название книги, он по-прикащичьи несколько раз брал карандаш в рот. «Сударыня», для которой всё это делалось, – молоденькая, миловидная купчиха, одетая по-городски.

– Вы, ведь, в гимназии обучались, так вам это должно прочитать, наставительно говорил Захар Иваныч, передвигая записку. – А мы учились на свои медные гроши и одним своим умом доходим до всего.

Василий Васильич с добродушной улыбкой наблюдал эту сцену и, отвечая на немой вопрос, объяснил:

– Не слышали про Захара Иваныча? Нарядчик на промыслах... Большой чудак: всё мудрёные книги читает. Памятища у него невероятная... Представьте себе, что на прииске пятьсот рабочих, так он их всех по имени и по отчеству назовёт, да ещё и прозвища, у кого какие есть, тоже. За десять лет кто работал у него, всех в лицо узнает и назовёт. При расчётах тоже каждую копейку помнит: кому вперёд дано, за кем ещё старый долг, кому добавить... Какая-то зверская память!..

Подходивший к Невьянску поезд лишил меня возможности познакомиться с интересным нарядчиком. Во всяком случае, как-то странно было слышать имя корифея европейской литературы именно от такого приискового кожана, и думаю, что едва ли на другой какой железной дороге можно услышать подобный разговор. Урал вообще богат самоучками и, в частности, начётниками.

Издали Невьянск походит на уездный городок и красиво пестреет на солнце своими белыми каменными домами, зелёными железными крышами и богатыми церквями. Картину портит только охватившая завод со всех сторон голая «степь», как на Урале называют всякое безлесное место.

– Тёпленькое местечко этот Невьянск, – говорит Василий Васильич, любясь в окно. – Пятнадцать тысяч жителей, торговля... На всех хватит золота, и ещё от нас останется. Одним словом, место самое удобное. На башню слазим в Невьянске... Вон как она покосилась, голубушка, точно старушка. Любопытная штука...

II

Начётник. – Старинная башня с курантами. – Нынешний Невьянск и кожаны доброго старого времени. – Ряды, сундучный промысел, иконопись и «лучинкова вера».

На невянском вокзале публики всегда много, и можно только удивляться, откуда она здесь берётся. На маленькой тележке мы весело покатали в Невьянск, который так красиво пестрел по течению реки Нейвы своими бревенчатыми домиками, белыми каменными домами и зелёными крышами. Кстати, самое название Невьянск неправильно, оно произошло от реки Нейва, – следовательно, нужно говорить Нейвянск, но испорченное название уже вошло в общее употребление, и не нам его переделывать.

По пороге нас обогнал ехавший на такой же тележке Захар Иваныч. Он наотлёт, по-купечески, приподнял свой картуз и скрылся на повороте какой-то узенькой улочки, – такие улочки ещё сохранились в Невьянске, как остаток доброго старого времени.

Невянск почти первый завод, построенный на Урале, и в народе сохранилось ещё название его – «Старый завод». Я помню, как лет двадцать тому назад ещё видал где-то в мезонине «стекольную» со слюдой вместо стекла. Между прочим, об этой старине напоминали высокие коньки крыш, узкие окна и вообще значительная высота деревянных изб, – теперь уже так не строятся, потому что лес «отдалел». В одном из таких окон мы увидели седого, как лунь, старика, который с круглыми очками на носу сидел над старопечатной книгой, – Невьянск славится как кондовое раскольничье гнездо.

– Поворачивай на земскую! – командовал Василий Васильич, когда мы выехали на главную площадь, где стоял старинный гостиный двор и ряды мелких деревянных лавочек. – Пока закладывают лошадей да скипит самовар, мы успеем спутешествовать на башню...

– Что же, отлично...

Мы так и сделали. Башня стоит у самой фабрики. Она сильно наклонилась к пруду. Высота башни что-то около 25 сажен. По типу своей архитектуры она напоминает средние века, точно какая-нибудь итальянская кампанилла, пересаженная на Урал по недоразумению. В прежнее время в среднем этаже помещалась заводская кутузка, а сейчас башня пустует, заменяя каланчу. Единственный живой человек в ней – старик-сторож, который смотрит за старинными курантами и «отдаёт часы». Основание башни квадратное. До половины поднимаются голые стены. В середине узорчатым выступом выдаётся обходящий всю башню балкон. Выше – пролёты до колоколов, ещё этаж с новым балконом и конический верх с узорчатыми карнизами, выступами и нишами. Это единственная старинная башня на всём Урале. Вход в неё с заводского двора, где приделано большое каменное крыльцо. Лестница идёт в какой-то деревянной трубе, – очень скверная лестница с шатающимися и точно изгрызенными ступеньками. Впрочем, это только в трубе, а в самой башне всё ещё прочно и простоит в таком виде не одну сотню лет. Толщина стен изумительная, точно в средневековой крепости. Когда мы добрались до сторожки, где жил ветхий коморник, нужно было сделать передышку. «Отдававший» невянцам часы старец оказался очень любезным и показал нам помещёние «курантов», старинные чугунные колокола и балкон, по которому он ходит уже двадцать лет. Балкон настолько ветхий, что я не решился на него выйти, – просто голова кружилась, особенно в том месте, где балкон висел над прудом. Конечно, башня стоит чуть не двести лет, а сторож ходит двадцать лет по этому балкону, но всё-таки страшно. Удивительно живучий народ все эти сторожа и коморники: ходит себе день и ночь, отбивает часы, а время идёт да идёт.

– Скучно тебе, дедушка?

– Чего скучать-то, слава богу... Жалованье получаю, квартира готовая. Товарищ у меня есть: он спит – я хожу, я сплю – он ходит. Нет, ничего, весело.

Старик показал нам и куранты, которые, к сожалению, не действуют, подточились шпешки на медном вале, вроде тех, какие сейчас вертятся в трактирных «машинах», только, конечно, в большем масштабе. И от башни, и от курантов, и от старого коморника веяло ещё демидовскую стариной, точно для Невьянских заводов остановилось время, как и для курантов. Я долго смотрел с башни на фабрику, громыхавшую у нас под ногами, на зеркало первого на Урале заводского пруда, на рассыпавшиеся домики, дома и хоромины по правому гористому берегу реки Нейвы и левому низменному. Под всем этим похоронена целая история. Если бы встал из земли сам Акинфий Никитич Демидов, главный воротила и фундатор уральских заводов, и посмотрел с башни на дела рук своих, наверное ждалось бы от скорби и его железное сердце. Старинное заводское гнездо едва дышит, а старинное железо, составившее славу Уралу и носившее свою торговую марку «старый соболь», кажется, сохранилось только на крышах старинных заводских зданий. Под этими крышами с узорчатыми железными коньками и железными узорами по карнизам считали ещё «словенскими литеры», а не арабскими цифрами, но, право, считали недурно, и Невьянский завод процветал. Правда, он давно уже вышел из числа других демидовских владений и сейчас влачит самое жалкое существование. При заводах числится дача в 180 000 десятин, а из них 114 035 десятин лесу, но заводы считаются лишёнными древесного топлива и получают его в виде исключительной милости из казённых дач. Производительность завода достигает едва 167 529 пуд. чугуна в год (приводим цифры за 1886 г.), причём «задолжалось людей» на вспомогательных работах 314 душ и на горнозаводских – 149 душ. Всё это такие мизерные и жалкие цифры, что даже приводить их здесь совестно: на десятину посессионной земли Невьянский завод не вырабатывает даже одного пуда чугуна, а дробь 167529/180229 пуда. Это рельефная картина заводской мерзости запустения. Нет, лучше уж Акинфию Никитичу лежать в земле, чем подниматься и смотреть на своё благородное потомство!..

С этою невянской башней связано несколько легенд, приводить которые здесь не стоит: какие-то подземные ходы, какие-то тайники и т. д. Она интересна сама по себе, как исторический памятник, напоминающий о золотом веке уральского горного дела. Царь Пётр был в Москве и сидел за обеденным столом, когда ему доложили, что пришёл тульский кузнец Никита Антуфьев с сыном Акинфием и желают переговорить с ним. Кузнецы, как говорит предание, были одеты в простые кожаны, как сейчас Василий Васильич или Захар Иваныч, и в таком виде представлены были великому царю-работнику. Они словесно изъяснили своё желание взять в аренду недавно основанный Невьянский завод, и Пётр тут же словесно изъяснил своё согласие. История Демидовых известна: Пётр орлиным своим оком умел угадывать людей... Галем в своей книге «Жизнь Петра Великого» говорит: «Государь, желая почтить трудолюбие сего мужа (Никиты Демидова), хотел даже соорудить ему, как первому показателю источников, снабжающих Россию железом и медью, памятник на одной из площадей петербургских; но сие намерение осталось неисполненным». Петровские указы составляют целую литературу, к сожалению, ещё не разработанную, поэтому не лишнее привести здесь несколько выдержек из них специально по отношению к Демидову и Невьянским заводам: «А те заводы, говорит один из таких указов, – у таких построены добрых руд, каковых во всей вселенной быть невозможно; а при них такие воды, леса, земли, хлебы, живности всякие, что ни в чём скудности быть не мочно». Дальше: «яко истинному и православному христианству, подобает его великому государю нашему тебе работать всеусердно, с крайним и тщательным радением, яко верному и благодарному рабу, напоминая себе смертные часы, по которым о всех содеянных нами делах пред престолом Божиим нелицемерное в том истязание будет, и потом по благих делах вечное благоприятие, а по лживых и неправых мучительное суждение последует». Наконец, предоставляя Демидову «чинить наказание» заводским людям, указ говорит: «С тем, однако же, чтобы не навёл он на себя правых слёз и обидного в том воздыхания; а всякая обида, паче же убогому человеку, есть грех непростительный». Эта приказная наивность может сейчас

показаться смешной, но какая неизмеримая пропасть отделяет её живое, человеческое слово от мертвечины нынешних предписаний, инструкций и отношений! «Верный и благодарный раб» Демидов превзошёл самые смелые ожидания царя Петра, но всё это делалось именно за счёт «правых слез и обидного в том воздыхания» убогих заводских людей, о чём невянская башня могла бы рассказать, вероятно, очень много.

Старик коморник показал все достопримечательности, и пора спускаться с башни. Есть ход в следующий ярус, но туда «не пускают». Когда мы очутились опять на базарной площади, на душе сделалось легче. Невьянский «базар» бойкое место. Помимо старинного гостиного двора, как мы уже сказали, оперируют десятки деревянных лавок, лавочек и лавчонок. Впрочем, в Невьянке считается населения около 15 000, – значит, есть кому покупать, – да прибавьте к этому окрестные сёла и деревни. И мужик, и мастеровой живут «своим средством», а собственно завод не при чём. Развились разные мелкие промыслы, и Невьянск является своего рода центром, как маленький городок. Он и напоминает такой город, а кличка завода остаётся только на память о добром старом времени.

– Пробойный народ эти невянцы! – повторял Василий Васильич, когда мы проходили мимо торговых «рядов», – кто сундуки делает, кто железные вещи, кто железо морозит, кто иконы пишет.

Невянск действительно является центром кустарной промышленности, невянские сундуки известны в Бухаре. Это кондовый, ещё старо-новгородский промысел, занесённый сюда раскольничьими выходцами из коренной России... С ним неразрывно связывается живопись, потому что и сундуки, и вёдра, и подносы нужно расписать. Отсюда только один шаг до иконописи старого пошиба. Невьянские иконописцы известны всему раскольничьему миру на Урале, как Богатырёвы или Чернобровины, хотя это дело сейчас и в упадке. Существует особенный способ покрывать железо лаком, причём получаются такие же узоры, как на замёрзшем стекле: это и есть «мороженое железо», вернее – жель. Как мне рассказывали, этот способ составляет секрет невянских кустарей и по наследству переходит из рода в род. Кажется, этот секрет производства заключается в особом приготовлении лака.

На земской квартире нас, действительно, ждал кипевший самовар и запряжённый парой дорожный коробок. Степенный старик-хозяин в длинном сюртуке имел вид настоящего невянского старожилы.

– Ну, дедушка, как поживаешь? – спрашивал Василий Васильич.

– Ничего, живем помаленьку, пока мыши головы не отъели...

За чаем у нас зашёл разговор о «лучинковой вере», как называется какая-то таинственная невянская секта. Название своё она будто бы получила от существующего обряда закалывать маленьких детей лучинками, а по другой редакции название произошло от обычая молиться с зажжённой лучиной. Во всяком случае, эта секта остаётся загадкой и вероятнее всего, что она – вымысел какой-нибудь праздной фантазии. Так, наш седобородый хозяин просто обиделся, когда мы начали расспрашивать его о «лучинковой вере».

– Пустяки это болтают, – ворчал он.

Всего удивительнее то, что от Невьянска до Мурзинки рукой подать, а, между тем, эта близость уральской Голконды решительно ничем не отразилась в жизни населения. Не возникло никакого промысла, а весь камень целиком уходит в Екатеринбург. Мы разговаривали со стариком о Мурзинке, – как о каком-то другом государстве: он решительно ничего не знал, как и другие невянцы.

– Не касаемо это самое дело до нас... Слыхали, что добывают аматисты, шерлы, тяжело-весы, а видать не доводилось.

– Да, ведь, мужики, которые везут камни в Екатеринбург, едут через Невьянск?

– Известно, через Невьянск... Из Мурзинки-то из самой мало, а боле из Южаковой, из Луговой, из Калтышей. У нас в Невьянске займется этим делом управитель Пётр Васильич. Так вот у него вам спросить: все мужики к нему камень несут.

О Петре Васильиче Калугине, который в Невьянске занимает место управителя золотых промыслов, я слышал ещё прежде. У него прекрасная минералогическая коллекция, часть которой мне случилось видеть ещё на выставке 1887 года в Екатеринбурге. Познакомиться с ним лично я мог только в Невьянске. Уже в передней вы чувствуете себя некоторым образом в области минералогии: целые шкафы с камнями, у стен камни в ящиках, камни на подоконниках, камни на полу. Кабинет хозяина тоже состоит из ящиков с камнями, шкафов с камнями и просто из камней на столах, на окнах, на стульях. Одним словом, сплошная минералогия, от которой у любителя захватывает дух. На Урале существует целый разряд таких любителей, страдающих этой «каменной болезнью». Коллекторство со стороны кажется немного смешным, но жить на Урале и не любить уральских «самоцветов» ещё смешнее.

Любезный хозяин с готовностью показал свои сокровища, а меня интересовал больше всего отдел специально мурзинских камней: бериллы, топазы, шерлы и т. д. Главный недостаток лучших камней – это их страшная цена: отдельные штуфы достигают ценности в несколько сотен рублей, как щётки топазов, аметисты, бериллы и аквамарины.

– Кто же покупает такие дорогие камни? – спрашивал я.

– Больше из-за границы поступают требования, – объяснял Пётр Васильич. Для музеев и для частных коллекций денег не жалеют... За границей больше денег, и лучшие камни уходят туда.

Между прочим, он показал великолепный штуф александритов из изумрудных копей Монетной дачи, нерчинский аквамарин, несколько редких кристаллов мурзинского тяжеловеса, по величине и оригинальной форме, – один кристалл изогнут под прямым углом, другой вытянут в длину, что несвойственно именно мурзинским топазам, встречающимся обыкновенно в кубической форме с соответствующими притуплениями углов, рёбер и плоскостей и т. д. Из мурзинских камней, как редкость, в коллекции хранится штуф полевого шпата с пиритами. Самое замечательное в этом собрании, по моему мнению, учебные коллекции минералов, составленные Петром Васильичем сообразно требованиям постепенного изучения минералогии. Каждая такая коллекция снабжена печатным каталогом с объяснением, откуда какой минерал добыт. Цена таких коллекций от 3 руб. до нескольких сот за экземпляр.

– Что же, раскупаются эти коллекции? – полюбопытствовал я.

– Ничего, идут помаленьку, хотя и не быстро. Публика мало знает – вот вся беда.

Между прочим, я приобрел у г. Калугина очень полезную брошюру, составленную им о мурзинских копиях для Уральской научно-промышленной выставки 1887 г. в Екатеринбурге.

К брошюре приложена карта с обозначением всех существующих копей.

III

Магическое слово. – Духовная золотопромышленность. – Поля и забытый богом Петрокаменский завод. – Опять поля, Мурзинка и бабий «гнёт» в 50 000 р.

Из Невьянска мы выехали вечером, чтобы доехать к ночи в Петрокаменский завод, до которого считается около 40 вёрст. Этот путь замечателен тем, что вы почти всё время едете селением или в виду селения, – перерывы самые небольшие. Поля, поля и поля, и ничто не напоминает соседства Урала. Русская земледельческая ширь охватывает вас, как море, хотя вы едете по коренной заводской даче.

В четырёх верстах от Невьянска стоит Быньговский завод. Ещё подъезжая к нему, вы уже чувствуете присутствие чего-то особенного. Издали пестреют новые крыши, берег реки Нейвы изрыт отчаянным образом, везде свежие громадные насыпи, разрезы, канавы, пробные ямы, и точно в самом воздухе висит какое-то магическое слово, которое заставляет жизнь бить ключом: это слово – золото. Вся невянская дача усыпана золотом, а Быньговский завод является центром работы «сильною рукой». По всей вероятности, железное производство для Невьянских заводов является дефицитом, и если оно ещё держится, то только потому, чтобы не потерять права на свою заводскую дачу, – пока *de jure* посессионных золотых промыслов не существует, а только посессионные заводы. По мере того, как падало железное производство, разрасталось золотое дело, и убогие Невьянские заводы дают своим 101 заводоладельцам-наследникам крупные барыши. Так, в 1886 г. золота в даче Невьянского завода добыто 25 пуд. 13 ф. 20 зол., что приблизительно по курсу составит около 600 000 рублей. Любая половина этой кругленькой суммы составляет чистый барыш; но эта цифра выше значительно, потому что невянское заводоуправление платит половину цены только старателям, которым отводятся самые плохие места, где золото «пообилось», а само разрабатывает наиболее богатые россыпи. На некоторых приисках содержание золота баснословно, как на Ягодном, и с каждым годом открываются всё новые россыпи. Невьянское золото неистошимо в буквальном смысле слова, и недавно открыты жильные месторождения его, что откроет новую эру в этом деле. Скажем здесь кстати, что не одни Невьянские заводы забросили железное производство, а то же самое делают и Верх-Исетские, заводская дача которых равняется 1 000 000 десятин. Верх-Исетские заводы добывают золота вдвое больше Невьянских, следовательно, вдвое больше и дивиденд заводоладельцев; обе дачи сходятся межами.

Частным предпринимателям в заводской даче, конечно, нечего делать, потому что добытое золото нужно сдавать заводам по сиротской цене – в 2 руб. 20 коп. или 2 руб. 50 коп. за золотник, тогда как по высокому курсу 1886 года оно доходило почти до 6 руб. золотник. Ввиду этого, эти предприниматели всё своё внимание устремили на крестьянские земли, что создало целый ряд всевозможных инцидентов. Прежде всего, необходимо сказать, что до сих пор горнозаводское население ещё не размежёвано и дело тянется без конца. Заводоладельцы ни за что не хотят дать надела бывшим мастеровым и приписным к заводам крестьянам на том основании, что земля нужна заводам, как месторождение руд и как лесная площадь. В сущности говоря, в земле такие заводы, как Невьянские и Верх-Исетские, никакой нужды не имеют именно специально для заводского дела, для чего она им дана, а не соглашаются они дать населению надел только потому, чтобы не лишиться выгодных золотоносных площадей и, главное, потому, чтобы иметь в своих руках безземельную рабочую силу, намертво запертую в необъятных заводских дачах. Со стороны крестьян, конечно, было вчинено по этому поводу много дел и затрачены на них большие средства, но где же тягаться жалким крестьянским обществам с такою страшною силой, как заводы? Так дело стоит и до сих пор, и даже быстрое сокращение заводами своей производительности, – что каждый год увеличивает контингент заводских рабочих без места, – даже и это не принимается во внимание в петербургских канцеляриях.

– Посмотрите, какие хоромы срублены, – говорил Василий Васильич, когда мы проезжали через Быньговский завод. – Угадайте: чьи?

На площади, недалеко от церкви, действительно стояли настоящие хоромы, воздвигнутые «из всего леса». Так строились только богатые помещики, а в Быньгах не вдруг отыщешь человека, достойного обитать в таких хоромах.

– Вероятно, заводские, – ответил я.

– Нет, поповские!.. Целый дворец, а весь секрет опять в золоте. Заводоуправление отвело причту землю, а в ней оказалось золото; ну, отцы и добыли его. В лучшем виде всё оборудовали. Недалёко есть здесь одна попадья, так она тоже золотопромышленностью занимается, а на...ских промыслах работал дьякон. Вот тут, недалеко, в селе Аяцком у попа в усадьбе тоже оказалось золото; ну, мужики стали просить его сначала честью, чтоб уступил местечко, а когда тот не согласился – взяли да дом и подожгли.

Как-то легче дышалось, когда наш коробок бойко покатился по мягкому просёлку, мимо зеленевших полей и пашен, точно мы вырвались из какой-то заражённой местности. Что-то умиротворяющее, трудовое, настоящее вот в этих вспаханных нивах; здесь есть и смысл, и освежающая душу неустанная забота, и незыблемая мера всему. Скоро потянулась громадная раскольничья деревня Таволги, получившая известность утвердившимся здесь кустарным промыслом по части выделки овчин и шитья сибирских полушубков и нагольных тулупов. Все такие славные крепкие дома, – видимо, живут хорошо, не так, как живут на золотых промыслах. Деревня ушла по течению реки Таволги на несколько вёрст, как строятся только в Сибири. За Таволгами небольшой переезд полями и жиденькими перелесками, и опять громадная деревня Бродовое, – этой уж конца-краю не было. Сколько ни ехали – всё Бродовое и даже в стороне, где лепились избы по какой-то речонке, тоже Бродовое. На мой глазомер, мы ехали по деревне вёрст десять, хотя Василий Васильич и уверял, что будет «верных двенадцать».

В Петрокаменский завод мы приехали прелестною лунною ночью и имели удовольствие видеть одну размытую плотину. Где-то в углу заводского двора что-то такое дымилось – и всё тут заводское действие.

– Чем же живут рабочие? – спрашивал я на станции местного обывателя.

– А кто чем промыслит, тем и живёт... Кто пашней займется, кто на золотых. Вообще живём...

О Мурзинке и мурзинских камнях здесь знали ещё меньше, чем в Невьянске. Меня всегда удивляло это полное отсутствие сведений о том, что делается в соседней деревне. От Петрокаменского завода до Мурзинки всего вёрст 20–25, значит, рукой подать. Добыча камней в Мурзинке – исконный промысел, которому больше сотни лет, а в соседней деревне никто ничего не знает и даже не интересуется знать.

Переночевав в Петрокаменском заводе, мы ранним утром отправились прямо в Мурзинку, – остался всего один переезд. Те же поля, те же перелески и решительно ничего такого, что напоминало бы о близости уральской Голконды. Ямщик, который вёз нас, бывал в Мурзинке десятки раз, но о камнях «был неизвестен».

– Кто его знает, – отвечал он на все расспросы, – мурзинские-то ищутся насчёт камней... В Луговой тоже, в Алабашке, а главная причина в Южаковой, где Ульяна Епифановна жительствоует.

– Это Самошиха?

– Она самая...

Часов около семи утра мы подъезжали к Мурзинке. Издали – широкая панорама полей, извилистая, глубокая речная долина, а за ней лесистые увалы. Самая селитьба разошлась по правому крутому берегу реки Нейвы, где впадает в неё небольшая речка Амбарка. Большая белая церковь издали придаёт характерный вид настоящего русского села, каких неисчислимое множество рассажалось по русским равнинам. По свидетельству сибирского историографа

Миллера, здесь когда-то жил татарский мурза, откуда получилось и название, потом местность окрещёна была первыми русскими насельниками «мурзинскою еланью» и, наконец, в 1640 году образовалась Мурзинская слобода, превратившаяся в нынешнее село Мурзинку. Таким образом, Мурзинка является одним из древнейших русских селений в Зауралье, хотя сейчас в ней всего около двухсот дворов. С правого берега крестьянская селитьба перекинулась и на левый, где медленным подъёмом встаёт лесистая горка Тальян. Река Нейва здесь разливается уже настоящею большою рекою, с поёмными лугами, заводами и прилуками.

– Вези нас к богатому мужику, у которого самый большой самовар, скомандовал Василий Васильич.

– И то к богатому повезу... – согласился ямщик. – Ну, вы, котятки, помешивай!

Через пять минут мы уже входили в избу богатого мурзинского мужика, только что поставленную из кондового соснового леса и полную аромата смолистого дерева. Хозяин принял нас за «земских», но мы должны были его разочаровать:

– Мы по своему делу, – объяснил Василий Васильич. – Как у вас насчёт камней?

– А кто его знает... У соседа надо спросить, он любопытничает когда. Третьего дни с Алабашки приехал. Сказывал, что струганцев привёз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.